

РОССИЯ И ВОСТОК

DOI: 10.31696/S086919080030903-0

ШАХСЕВЕНСКИЙ ВОПРОС В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-ИРАНСКИХ ПОГРАНИЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЗАКАВКАЗЬЕ В 1828–1885 гг.

© 2024

М.А. ВОЛХОНСКИЙ ^а^а – МГИМО (У) МИД России, Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-6189-734X; volhonskyma@yandex.ru

Резюме: В статье исследуется политика российских и иранских пограничных властей в отношении кочевых племен шахсевен с 1829 по 1885 гг. После заключения Туркманчайского мира в 1828 г. российские и иранские власти договорились сохранить за кочевниками право переходить каждый год на российскую территорию на зимние пастбища. Решение российской стороны было обусловлено: во-первых, невозможностью закрыть для кочевников участок границы, проходившей через открытое пространство Муганской степи без опоры на естественный рубеж; во-вторых, опасением спровоцировать вооруженное сопротивление племен шахсевен; в-третьих, нежеланием обострять отношения с Ираном. Однако ежегодные перекочевки шахсевен на российскую территорию сопровождались беспорядками и грабежами местного населения. При этом все предпринятые в течение полувека российской кавказской администрацией в тесной координации с иранскими властями административные меры по усилению контроля над племенами шахсевен не смогли предотвратить возникавшие в Муганской степи конфликты и грабежи. Полностью сделать безопасной степь могла только такая радикальная мера, как полный запрет перехода шахсевен на российскую территорию. Но это могло вызвать напряжение в российско-иранских отношениях. Чтобы пойти на такой шаг, необходима была особая мотивация, которой не было у российской кавказской администрации до начала 1880-х гг. Назначенный в 1882 г. главным начальником Кавказского края кн. А.М. Дондуков-Корсаков пришел к выводу, что ежегодное кочевание шахсевен в Муганской степи является главным препятствием для быстрого экономического развития Бакинской и Елизаветпольской губерний. В итоге он смог добиться от иранских властей в 1885 г. полного запрета племенам шахсевен переходить на российскую территорию. Исследование основано на анализе как опубликованных, так и впервые вводимых в научный оборот делопроизводственных материалов, выявленных в Российском государственном историческом архиве (РГИА).

Ключевые слова: пограничные отношения, Российская империя, Иран, шахсевенские племена, главный начальник гражданской частью на Кавказе, А.М. Дондуков-Корсаков.

Для цитирования: Волхонский М.А. Шахсевенский вопрос в контексте российско-иранских пограничных отношений в Закавказье в 1828–1885 гг. *Восток (Oriens)*. 2024. № 3. С. 130–140. DOI: 10.31696/S086919080030903-0

THE SHAHSEVAN QUESTION IN THE CONTEXT OF RUSSIAN-IRANIAN
BORDER RELATIONS IN TRANSCAUCASIA IN 1828–1885

© 2024

Michael A. VOLKHONSKIY^a^a – MGIMO University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-6189-734X; volhonskyma@yandex.ru

Abstract: *The article analyzes the policy of Russian and Iranian border authorities in relation to the nomadic Shahsevan tribe in 1829–1885. After the conclusion of the Turkmanchay Peace Treaty in 1828, the Russian and Iranian authorities agreed to preserve the nomads' right to move to winter pastures in the Russian territory every year. The Russian side made this decision taking into account, firstly, the inability to provide nomads with a closed section of the border located in the open space of the Mugan steppe without relying on a natural boundary; secondly, the fear of provoking armed resistance of the Shahsevan tribe; thirdly, the unwillingness to aggravate relations with Iran. However, the annual migration of Shahsevans to the Russian territory was accompanied by riots and looting of the local population. All administrative measures taken over the course of half a century by the Russian Caucasian administration in close coordination with the Iranian authorities to strengthen control over the Shahsevan tribes could not prevent conflicts and looting that arose in the Mugan steppe. Appointed in 1882 as the chief of the Caucasian Territory, Prince A.M. Dondukov-Korsakov came to the conclusion that the annual nomadism of the Shahsevan in the Mugan steppe is the main obstacle to the rapid economic development of the Baku and Elisavetpol provinces. As a result, in 1885 he managed to persuade the Iranian authorities to fully ban the Shahsevan tribes from entering the Russian territory.*

Keywords: border relations, Russian Empire, Iran, Shahsevan tribes, chief of the civil unit in the Caucasus, A.M. Dondukov-Korsakov.

For citation: Volkhonskiy M.A. The Shahsevan Question in the Context of Russian-Iranian Border Relations in the Transcaucasia in 1828–1885. *Vostok (Oriens)*. 2024. No. 3. Pp. 130–140. DOI: 10.31696/S086919080030903-0

Сформировавшаяся по итогам нескольких русско-иранских (1812–1813 гг. и 1826–1828 гг.) и русско-турецких войн (1806–1812 гг., 1828–1829 гг. и 1877–1878 гг.) граница в Закавказье как в Петербурге, так и в Тифлисе рассматривалась как одна из самых проблемных в Российской империи. Как для российско-иранской, так и для российско-турецкой границы в Закавказье на протяжении второй половины XIX – начала XX в. постоянными проблемами оставались контрабанда, а также вторжения на российскую территорию вооруженных банд с целью грабежа. Однако проблема «хищничества» на иранской границе имела одну отличительную особенность. Одним из главных источников постоянно происходивших здесь конфликтов являлись сезонные перекочевки через российско-иранскую границу тюркоязычных шахсевенских племен, которые с XVI в. кочевали в Муганской степи.

Согласно статьям заключенного между Россией и Ираном в 1828 г. Туркманчайского мирного договора, часть российско-иранской границы проходила как раз по Муганской степи, разрезая ее на две части – русскую и иранскую [Полное собрание законов, т. III, 1830, с. 126–127]. Разделившая степь новая граница грозила нарушить не только привычные для шахсевен маршруты кочевков, но также традиционный для кочевников социально-

экономический уклад жизни, что могло спровоцировать их на вооруженные выступления. В итоге власти России и Ирана пришли к соглашению о сохранении за шахсевенами права на кочевание по обоим сторонам российско-иранской границы. Между тем с самого начала было ясно, что сохранение за шахсевенами права на кочевание по всей Муганской степи с учетом того, что они всегда плохо подчинялись иранским властям, будет постоянно приводить к нарушению спокойствия на приграничных территориях. На несколько десятилетий шахсевенский вопрос стал головной болью для российских властей в Закавказье.

Данная статья посвящена исследованию тех административных практик, с помощью которых российские власти в тесной координации с иранской стороной пыталась решить шахсевенский вопрос. В историографии некоторые аспекты данной темы исследовались в работах российских и зарубежных этнографов и историков [Огранович, 1870; Артамонов, 1890; Марков, 1890; Чернушевич, 1903; Tapper, 1997; Шукuroв, 2009; Гоков, 2023; Degoev, 2004].

Вопрос о праве шахсевен в зимнее время откочевывать на российскую сторону Муганской степи был частью более крупной проблемы регулирования передвижения приграничного населения обоих государств через границу. Именно этот вопрос был затронут в Туркманчайском договоре в статье XIV, где говорилось: «Что касается вообще до жителей обеих государств, то высокие договаривающиеся стороны постановили, что обоюдные, кои перешли, или впредь перейдут из одного государства в другое, могут селиться и жить всюду, где дозволит то правительство, под коим они будут находиться» [*Полное собрание законов*, т. III, 1830, с. 130]. При этом непосредственно о шахсевенах в договоре ничего не говорилось. Объявленная трактатом свобода передвижения привела в последующие пятнадцать лет к хаотичным перемещениям населения обоих государств на приграничных территориях, что вынудило в конечном итоге власти России и Ирана в июле 1844 г. заключить специальную конвенцию, призванную как-то упорядочить эти процессы [*Акты*, т. XI, 1888, с. 590]. Согласно конвенции, российские и иранские подданные теперь не могли переходить на территорию соседнего государства «без паспорта и без формального дозволения от своего начальства». Лица без паспортов должны были задерживаться и передаваться либо пограничному начальству, либо консулу соседнего государства [*Полное собрание законов*, т. XIX, отд. 1. с. 589–590]. Несмотря на то, что в последующие десятилетия пограничные власти обоих государств постоянно предъявляли друг другу претензии относительно незаконного ухода отдельных лиц или целых групп приграничного населения на территорию соседнего государства, благодаря конвенции подобные инциденты удавалось относительно быстро урегулировать.

Единственной проблемой, продолжавшей отравлять отношения пограничных властей России и Ирана, оставался шахсевенский вопрос. С самого начала кавказская администрация Российской империи была прекрасно осведомлена о тех угрозах в отношении поддержания спокойствия на российско-иранской границе, которые могли исходить от кочевых племен шахсевен [*Акты*, т. VII, 1878, с. 623]. Тем более удивительно, как неосмотрительно подошла российская сторона к проведению границы в районе Муганской степи, о чем впоследствии в Тифлисе неоднократно выражали сожаление. Граница была проложена совместной демаркационной комиссией, которую с российской стороны возглавлял полковник П.Я. Ренненкампф, а с иранской – Мирза-Масуд, Мирза-Ахмед и французский офицер, состоявший на персидской службе, Бартеоми Симино. 18 января 1829 г. они подписали окончательный протокол о демаркации границы [Кулагина, Дунаева, 2007, с. 47]. Ошибка, сделанная российской стороной, которая, возможно, объясняется отсутствием в то время точных карт и сведений о пограничных районах, заключалась в том, что часть границы, проходившей через Муганскую степь, была проведена без привязки к какому-либо

естественному рубежу, хотя такой на местности имелся в виде Алтанского канала (или канала Хорпаджу).

Память об этой ошибке сохранялась среди представителей российской военной и гражданской администрации в Закавказье до начала XX в. Так, в своих записках участник экспедиции против шахсевен в 1912 г. генерал Е.В. Масловский писал: «Если бы люди компетентные и вдумчивые были привлечены тогда к работе по проведению новой границы, то, конечно, Алтанский канал был бы включен в территорию, отходившую к нам. На подробном изучении вопроса о проведении этой границы через Мугань по Туркманчайскому договору я не останавливался, но, помню, мне рассказывали, возможно, как легенду, что, когда дошла очередь для проведения ее через степь, был для этой цели послан топограф с приказанием провести границу через эту малопривлекательную, безводную степь. Топограф этот, малокомпетентный в вопросах вне прямого его ремесла, не задумываясь ни над чем и не мудрствуя лукаво, взял по нивелиру прямое направление на какую-то точку у с. Белясувар и протрасировал границу. Так ли это было, не знаю, но что граница была проведена здесь прескверно, было ясно для каждого знакомого с районом» [Масловский, 1973]. Открытость границы в Муганской степи заставило кавказскую администрацию перенести кордонную линию в глубину российской территории, поскольку считалось невозможным содержать ее непосредственно в голой степи [Чернушевич, 1903, с. 196].

Не имея ни желания, ни возможности прекратить сезонные перекочевки шахсевен на российскую территорию, кавказская администрация попыталась в 1829–1830 гг. по крайней мере получить некоторую денежную компенсацию за использование кочевниками пастбищ в Муганской степи. До присоединения Ширванского и Талышинского ханств к Российской империи местные ханы взимали со всех кочевых племен за пользование пастбищами подать «чуп-баши» (скотом, вещами или деньгами). Однако попытка российских властей продолжить эту практику натолкнулась на сопротивление и жалобы со стороны кочевников. В итоге в 1830 г. подать была отменена. Вместо нее в Тифлисе предложили брать плату непосредственно с шахского правительства в размере двух тысяч рублей серебром [Акты, т. XI, 1888, с. 587]. Переговоры по этому вопросу были в 1830 г. инициированы прибывшим в Тегеран вместо трагически погибшего А.С. Грибоедова новым российским послом в Иране кн. Н.А. Долгоруковым. В 1831 г. в Тифлисе при участии иранского посланника Мирза-Салеха было выработано соответствующее соглашение. Однако в последующие годы иранская сторона уклонялась от его подписания. В итоге ни вопрос финансовой компенсации за использование пастбищ, ни вопрос обеспечения безопасности в Муганской степи так и не были решены.

Только в середине 1840-х гг. в Тифлисе снова обратили внимание на эти проблемы русско-иранской границы. Назначенный в 1844 г. наместником на Кавказе кн. М.С. Воронцов решил «привести в безопасность от внесения чумной заразы, ввоза контрабанды и грабежа пограничных жителей по всему протяжению сухой границы с Персией». В частности, было решено перенести кордонную линию непосредственно на пограничную черту в Муганской степи. В связи с этим в 1846 г. проезжавшему через Тифлис к месту службы российскому полномочному послу в Иране кн. Д.И. Долгорукову была передана записка, в которой, в частности, подчеркивалось, что с учетом имеющихся различных угроз для российской границы следовало бы «учредить кордонную линию на такой черте, которая охраняла бы Муганскую степь с возможной точностью». Такой линией, по мнению кавказской администрации, мог бы выступить Алтанский канал, который, однако, находился на иранской стороне. Российская миссия попыталась вступить в переговоры с шахским правительством по вопросу уступки этого канала и прилегающей к нему территории, но все её запросы остались без ответа [Акты, т. XI, 1888, с. 588]. В то же время Д.И. Долгорукову в 1847 г.

удалось убедить правительство шаха начать ежегодные выплаты российской стороне по две тысячи рублей серебром за использование шахсевенами зимних пастбищ. В дальнейшем иранская сторона с некоторыми задержками и перерывами, но в целом исправно вносила платежи [Акты, т. XI, 1888, с. 587–588].

В начале 1850-х гг. в Тифлисе наконец четко сформулировали для себя суть шахсевенского вопроса, а также возможные пути его решения. В записке, поданной кавказской администрацией в МИД в 1856 г., следующим образом описывалось состояние дел на границе: «Персидские кочевые племена, приходя невообразимо на Муганскую степь, наводняют все пространство оной несмотря на то, что, при делаемом им снисхождении, от них только и требуется, чтобы они не предавались своевольствам и довольствовались теми местами, которые они занимали в прежнее время. Будучи народом необузданным, они мало почитают установленные над ними власти, даже не повинуются чиновникам, которые, по требованию нашему, высылают от себя персидское правительство для надзора за ними. От сего проистекают грабежи и разбои, делаемые этими кочевыми племенами, которые иногда проникают во внутрь Ленкоранского уезда, смешиваются с нашими жителями одинакового с ними происхождения, совращают их с доброго пути и, завлекши их в преступление, исчезают вместе с ними в Персию через отворенную границу, через которую легко возможны – и провоз контрабанды, и всякое злоупотребление» [Акты, т. XI, 1888, с. 588]. В записке были сформулированы четыре задачи, которые должна была решить кавказская администрация: 1) закрыть «отворенную границу»; 2) ограничить точно определенными пределами территорию зимних кочевков шахсевен в степи; 3) поставить шахсевен под жесткий административный контроль российских и иранских властей.

Намеченные задачи попытался решить наместник кавказский кн. М.С. Воронцов. В 1849 г. участок границы в Муганской степи наконец был прикрыт постами кордонной линии, которую держали казаки [Чернушевич, 1903, с. 196]. Затем, в том же году, по распоряжению Шемахинского военного губернатор барона А.Е. Врангеля для шахсевен были определены четкие границы их зимних пастбищ [Огранович, 1870, с. 73]. По его распоряжению была проведена и обозначена на местности знаками черта, за которую кочевникам не разрешалось переходить и за которой начиналось буферная территория протяженностью в семь верст, отделявшая шахсевенские кочевья от поселений местного мусульманского и русского населения по берегам рек Куры и Аракса. Таким образом, губернатор хотел с одной стороны защитить местное население от возможных со стороны шахсевен попыток присвоить себе земли вдоль рек, а также от их нападений на поселения. Однако эта мера помогла только незначительно снизить количество возникавших в Муганской степи конфликтов [Марков, 1890, с. 25–26].

Одновременно кавказская администрация стала стремиться поставить шахсевен в период их пребывания на российской территории под более жесткий административный контроль как иранских, так и российских пограничных властей. С этой целью в 1849 г. кавказский наместник через российскую миссию в Тегеране обратился к правительству шаха с предложением назначить особого чиновника, который «ежегодно сопровождал бы шахсевен при зимней перекочевки их на Муганскую степь, водворял их в местах помянутой степи, ... прекращал грабежи, воровство и другие беспорядки, находился в прямых сношениях с нашим местным начальством, принимал для разъяснения все претензии наших пограничных жителей на кочующих шахсевен» [Акты, т. XI, 1888, с. 589]. После продолжительных напоминаний нашей миссии в Тегеране шахское правительств согласилось назначать начальников (иль-бегов) для двух объединений шахсевенских племен – мешкинского и ардебильского [РГИА, ф. 1149, оп. 13, 1904, д. 97, л. 2]. Иль-беги получили над ними практически неограниченную власть, поскольку в их руках сосредоточились сбор

податей, а также судебная и административно-полицейская власть. По своему усмотрению они могли подвергать своих подвластных штрафам и телесным наказаниям, заключать в тюрьму, конфисковать имущество [Марков, 1890, с. 18–20].

Однако надежды российских властей на то, что иль-беги смогут удерживать шахсевенские племена от «хищничества», не оправдались. Уже в 1850 г. в Тифлисе были получены сведения, что назначенный шахским правительством иль-беги Ферзали-хан стал давать убежище разбойникам из числа шахсевен, чем способствовал образованию новых шаек разбойников, которые всю зиму 1850–1851 гг. грабили на Бакинско-Сальянской дороге. С учетом того, что иль-беги собирали с шахсевен подати, часть которых поступала в их пользу, казалось вполне ожидаемым, что они будут закрывать глаза на «хищничество» кочевников. Ведь часть полученной шахсевенами путем грабежей добычи также могла присваиваться иль-бегами. Кавказская администрация попыталась исправить ситуацию, время от времени командируя со своей стороны особых чиновников или офицеров, которые вместе с иль-бегами должны были разбирать конфликты между шахсевенами и местным населением. Но данная мера не дала положительных результатов [Акты, т. XI, 1888, с. 589–590].

В ноябре 1856 г. под давлением российской миссии в Тегеране, постоянно требовавшей принять меры для прекращения грабежей со стороны шахсевен на российской территории, шахское правительство согласилось послать на границу в качестве пограничного комиссара одного из высших своих сановников (сартита) Хаджи-Мухаммед-хан для разбора конфликтных ситуаций. Но сартиб не пользовался авторитетом среди шахсевен. Кроме того, не получив ни полномочий, ни денежного содержания от шахского правительства, он оказался в полной зависимости от иранских пограничных властей, иль-бегов и беков шахсевен. Кавказская администрация также поспешила в декабре 1856 г. назначить в качестве пограничного комиссара, состоящего по особым поручениям при кавказском наместнике кн. А.В. Барятинском, полковника И.А. Бартоломея [Акты, т. XII, 1904, с. 584–585]. Но запоздалое судебное разрешение двумя комиссарами нескольких десятков старых конфликтов мало что дало для обеспечения безопасности в Муганской степи. Кроме того, назначение иранского и российского пограничных комиссаров оказалось временной мерой, которая, естественно, никак не могла положительно повлиять на ситуацию в долгосрочной перспективе. На следующий 1858 г. шахское правительство назначило комиссаром для разбора жалоб пограничных жителей Мир-Пенджа-Джафар-Кули-Хан. С российской стороны обязанности пограничного комиссара были возложены на пограничных уездных шушинского и ленкоранского начальников. В последующее десятилетие практика передачи функций пограничного комиссара уездным начальникам сохранялась [РГИА, ф. 1405, оп. 90, д. 10985, л. 94 об. – 95].

Однако уже в 1864 г. кавказская администрация пришла к неутешительному выводу, что «назначение, для разбора жалоб чиновников, несущих другие сложные обязанности, к тому же часто меняющихся, оказалось на практике далеко не достигающим цели». Одновременно российская миссия в Тегеране предложила «назначить со стороны обеих правительств по одному пограничному комиссару для постоянного пребывания на границе с снабжением их надлежащей инструкцией для исключительных занятий по разбору обоюдных претензий пограничных жителей». Иранская сторона сразу же поддержала этот проект и назначила в 1865 г. своего пограничного комиссара. С российской стороны только в 1869 г. после долгих согласований и переписки была учреждена должность «пограничного с Персией комиссара» [РГИА, ф. 1405, оп. 90, д. 10985, л. 94 об. – 95].

Наместник кавказский вел. кн. Михаил Николаевич назначил на эту должность полковника И.А. Ограновича. Комиссар должен был получать жалованье из так назы-

ваемых экстраординарных сумм наместника в размере двух тысяч рублей в год. Кроме того, ему выдавалось семьсот рублей золотом на представительские расходы. Поскольку с разработкой и законодательным утверждением инструкции для комиссара возникли трудности, то для временного руководства при разборе обоюдных жалоб и конфликтов ему «сообщена была копия с инструкции, данной в 1865 г. шахским министерством иностранных дел персидскому пограничному комиссару». Местом съезда обоих комиссаров назначено было урочище Беясувар у речки Болгарчай [РГИА, ф. 1149, оп. 13, 1904, д. 97, л. 2 – 2 об.].

Учреждение должностей пограничных комиссаров способствовало уменьшению количества грабежей и конфликтов в Муганской степи. В то же время сохранялась угроза провоцирования беспорядков на границе со стороны одного из наиболее воинственных племен шахсевен – коджабеглинцев. Еще в конце 1860-х гг. кавказская администрация предложила шахскому правительству полностью запретить этому племени перекочевывать на российскую территорию. В 1867 г. иранская сторона издала такой указ, но реализовать его на практике можно было только при условии отселения этого племени от границы. В 1871 г. по приказу Насер ад-Дин Шаха правитель Ардебилля принц Мамед-Рахим-мирза в наказание за разбой совершил карательную экспедицию против коджабеглинцев, разбил их, сжег их деревню Берзенд, конфисковал имущество. После этого их должны были отселить от границы. Но через год шахское правительство изменило это решение, и коджабеглинцы остались на прежнем месте. В 1876 г. по итогам переговоров в местечке Беясувар бакинского губернатора Д.С. Старосельского с управляющим делами иранской провинции Азербейджан шахское правительство наконец приняло решение об отселении коджабеглинцев в Урмийский округ, но через два года они снова были возвращены на своё прежнее место [Марков, 1890, с. 29–30].

Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. ситуация на российско-иранской границе обострилась до предела. «Особенной многочисленностью и дерзостью отличались грабежи кочевников во время последней войны нашей с Турцией, – писал В.С. Марков, – вследствие распространившегося среди шахсевен слуха, вызванного отчасти распоряжением наших властей о снятии казачьих постов и замене их всадниками из мусульман, о бессилии и поражении России турками; кочевники полагали, что проступки их могут пройти безнаказанно, в виду якобы опасения со стороны России нарушить решительными мерами против них дружеские отношения с Персией. Эта уверенность до того была сильна в шахсевенах, что беки их и старшины решались даже ослушиваться приказаний нашего пограничного комиссара, не являясь по его вызову. Своими грабежами они наводили такой страх, что потерпевшие боялись даже жаловаться» [Марков, 1890, с. 22].

Волна разбоя и грабежей в Муганской степи в 1877–1878 гг. вынудила кавказскую администрацию наконец снабдить пограничного комиссара ясно прописанными полномочиями, тем более что в 1879 г. по указанию российского генерального консульства в Тебризе в сферу его ответственности, помимо Муганского, также был включен Карадагский участок границы. Утвержденные 22 декабря 1881 г. указом Правительствующего Сената права и обязанности «пограничного с Персией комиссара» давали ему следующие полномочия: «1. Принимать к своему рассмотрению претензии между русскими и персидскими подданными кочевниками и оседлым пограничным населением на всякую сумму, не стесняясь ценой иска, и 2. подвергать русских кочевников из податного состояния, личному задержанию, не свыше семидневного срока, в тех случаях, когда, при разбирательстве претензий, они будут изобличены в каких-либо проступках и когда, по обстоятельствам дела, комиссар не признает возможным передать их в распоряжение судебных властей...» [РГИА, ф. 1149, оп. 13, 1904, д. 97, л. 2 об.].

Окончательно решить шахсевенский вопрос удалось только кн. А.М. Дондукову-Корсакову, назначенному в январе 1882 г. главноначальствующим гражданской частью на Кавказе. В представленном осенью того же года всеподданнейшем докладе он писал: «Население Бакинской и Елизаветпольской губернии значительно увеличилось, как путем естественного прироста, так и водворением в них пришлого, в том числе и русского элемента; количество земли во многих местностях оказывается уже недостаточным для развивающихся потребностей сельского хозяйства и скотоводства; наконец местное русско-подданное население, стесняемое присутствием шахсевен на Муганской степи, в увеличении своего экономического благосостояния, ежегодно подвергается грабегам и разного рода насилиям со стороны названных персидских кочевников, являющихся к нам вооруженными усовершенствованным огнестрельным оружием новейших систем». Дондуков предлагал подумать о полном запрете шахсевенам кочевать зимой на российской территории. А пока до принятия окончательного решения он выступал за максимальное ужесточение административно-полицейского контроля над шахсевенами со стороны российских пограничных властей [РГИА, ф. 932, оп. 1, д. 296, л. 7–7 об.].

В итоге по высочайшему повелению 21 декабря 1882 г. были утверждены «Главные основания для заведывания шахсевенами на время их кочевания в русских пределах». Согласно новым правилам, шахсевены в период зимней кочевки в Муганской степи должны были подчиняться исключительно российскому пограничному комиссару. Последний должен был при переходе кочевников через российскую границу указывать каждому обществу границы его пастбищ. На период кочевания шахсевен вся административно-полицейская власть в Муганской степи сосредотачивалась в руках комиссара, который получал право по экстренным вопросам обращаться напрямую к главному начальнику Кавказского края. Для разбора судебных дел, возникающих между кочевниками и местными жителями, комиссару присваивались права и обязанности мирового судьи в Закавказском крае. В случае совершения преступлений, выходящих за пределы юрисдикции мирового судьи, шахсевены должны были предаваться военному суду. Если кто-либо из отдельных лиц или целых обществ, принадлежащих к шахсевенам, неоднократно замечался в нарушении спокойствия и противодействия властям, то комиссар с разрешения главного начальника Кавказского края имел право их выслать из российских пределов. В помощь пограничному комиссару назначались два офицера или чиновника, для исполнения обязанностей приставов. В распоряжение комиссара также передавалась сотня казаков, в дополнение к тем, которые находились на постах кордонной линии [РГИА, ф. 1149, оп. 10, 1883, д. 102, л. 7–9].

Настаивая на введении новых правил для шахсевен, Дондуков одновременно допускал, что эти меры не дадут ожидаемого результата. Его опасения полностью подтвердились. В июле 1884 г. его помощник генерал-адъютант С.А. Шереметев докладывал министру иностранных дел Н.К. Гирсу: «К сожалению, этот новый порядок заведывания шахсевенами, во время кочевания их на Мугани, встречен персидским правительством с предубеждением. Нарушая корыстные интересы персидских пограничных властей, принятая нами мера вызвала со стороны сих последних крайнее неудовольствие» [РГИА, ф. 932, оп. 1, д. 307, л. 7 – 7 об.]. Неудовольствие было связано с тем, что иранские пограничные власти не хотели терять административно-полицейский контроль над шахсевенами в период их пребывания на российской территории. В качестве компромисса шахское правительство предложило либо прикомандировать к российскому пограничному комиссару иранского чиновника в качестве посредника, либо учредить на Мугани должность вице-консула. Оба предложения в Петербурге были отклонены, поскольку они входили в противоречие с главным намерением кавказской администрации полностью подчинить шахсевен российскому пограничному комиссару [Марков, 1890, с. 47–48].

В ответ иранские пограничные власти попытались скрытно противодействовать новому порядку. Так, осенью 1883 г. перед переходом шахсевен через российскую границу на зимнюю кочевку представители иранских пограничных властей впустили кочевникам, чтобы они по-прежнему повиновались только своим иль-бегам. Кроме того, ардебильский губернатор позволил двум племенам шахсевенов – полатлинцам и джурухлинцам, отличавшимся особой склонностью к разбоям, – перейти через границу, чего раньше не позволялось. С их появлением в Муганской степи тут же начались нападения на поселения и грабежи на дорогах, а шахсевенские старшины стали открыто отказываться подчиняться российскому пограничному комиссару. Согласно докладу пограничного комиссара И.А. Ограновича, убытки местного населения от грабежей шахсевен в зимний период 1883–1884 гг. составили 35 487 рублей [РГИА, ф. 932, оп. 1, д. 307, л. 7–8].

В течение 1883 и 1884 гг. кн. А.М. Дондуков-Корсаков не переставал требовать через МИД от российского посланника в Тегеране добиться от шахского правительства наложения полного запрета шахсевенам переходить на российскую территорию. Желая укрепить позицию российской стороны на переговорах, Дондуков весной 1884 г. запретил кочевникам Ленкоранского уезда переходить на летнюю кочевку на иранскую территорию, как это делалось ранее. Для них были специально отведены летние пастбища в пределах Бакинской губернии [РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 4444, л. 850 об.]. Иранское правительство вынуждено было уступить. 23 октября 1884 г. российский посланник в Тегеране тайный советник А.А. Мельников был официально уведомлен о полном запрете шахсевенам перекочевывать в Муганскую степь [Марков, 1890, с. 49–50].

Шахсевенские племена не сразу приняли новый порядок. Если зима 1884–1885 гг. прошла спокойно, без попыток кочевников, как прежде, перейти российскую границу, то в ноябре 1885 г. несколько шахсевенских племен (около 716 кибиток) неожиданно прорвались через границу в Муганскую степь. Вторжение не удалось остановить из-за малой численности кордонной стражи. Около пяти тысяч шахсевен попросили принять их в российское подданство. Однако удовлетворение такого прошения означало бы нарушение договоренностей с Ираном. Получив в свое распоряжение две сотни Дагестанского конно-иррегулярного полка, а также три сотни Хоперского казачьего полка, бакинский губернатор Ю.К. Гюбш фон Гросталь вместе с пограничным комиссаром И.А. Ограновичем смогли принудить к концу декабря 1885 г. всех шахсевен уйти обратно на иранскую территорию. После этого случая шахсевенские племена больше не делали попыток переходить на российские земли [Марков, 1890, с. 57]. Во «Всеподаннейшей записке главноначальствующего гражданской частью на Кавказе. 1882–1890 гг.» кн. А.М. Дондуков-Корсаков следующим образом подвел итог своей политике: «Достигнутый результат во всех отношениях должен быть признан чрезвычайно благоприятным, открыв возможность нашей администрации водворить спокойствие и порядок в юго-восточной части Закавказья, он вместе с тем предоставил для нужд наших подданных обширную площадь в 350 т. десятин» [Всеподаннейшая записка, 1890, с. 102].

В заключение отметим, что принятое в 1829–1830 гг. российскими властями решение – оставить за кочевыми племенами шахсевен право перекочевки на зимние пастбища в Муганскую степь – было обусловлено: во-первых, пониманием невозможности закрыть для кочевников границу, проходящую по голой степи без опоры на какой-либо естественный рубеж; во-вторых, опасением вызвать со стороны шахсевен восстание при попытке запретить им зимние перекочевки, поскольку такая мера могла разрушить весь социально-экономический строй их жизни; в-третьих, нежеланием российских властей запретом на перекочевку шахсевенам вызвать напряжение в отношениях с Ираном.

Между тем ежегодные перекочевки шахсевенских племен в Муганскую степь неизбежно сопровождались различного рода беспорядками и конфликтами. При этом все предпри-

нятые в 1840–1870-х гг. кавказской администрацией в тесной координации с иранскими властями меры по обеспечению спокойствия и безопасности в степи – попытка перенести границу к естественному рубежу; четко определить границы зимних кочевий шахсевен; эпизодическая посылка особых чиновников для разбора конфликтных ситуаций; учреждение с обеих сторон должностей постоянных пограничных комиссаров – не смогли дать ожидаемый результат.

Полностью обезопасить Муганскую степь могла только такая радикальная мера, как запрет перекочевки шахсевен на российскую территорию. Чтобы пойти на такой шаг, который мог вызвать напряжение в российско-иранских отношениях, необходима была особая мотивация, которой, очевидно, не было у кавказской администрации при наместниках св. кн. М.С. Воронцове, кн. А.В. Барятинском и вел. кн. Михаиле Николаевиче. Но она нашлась у назначенного в январе 1882 г. нового главного начальника Кавказского края кн. А.М. Дондукова-Корсакова, который считал, что нерешенность шахсевенского вопроса является главным препятствием для быстрого экономического развития Бакинской и Елисаветпольской губерний. Предложенная им тактика давления на иранскую сторону путем полного подчинения шахсевен российскому пограничному комиссару в период их зимней кочевки в Муганской степи полностью оправдалась. Боясь потерять административный контроль над своими кочевниками, шахское правительство вынуждено было в октябре 1884 г. запретить шахсевенам переходить на российскую территорию.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / ABBREVIATIONS

РГИА – Российский государственный исторический архив [RGIA – The Russian State Historical Archive].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией. Т. VII. Под ред. А.П. Берже. Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1878 [*Acts Collected by the Caucasian Archeographic Commission.* Vol. VII. A.P. Berzhe (ed.) Tiflis: Tip. Glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo, 1878 (in Russian)].

Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией. Т. XI. Под ред. Дм. Кобыкова. Тифлис: Тип. Канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1888 [*Acts Collected by the Caucasian Archeographic Commission.* Vol. XI. D. Kobayakov (ed.) Tiflis: Tip. Glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo, 1888 (in Russian)].

Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией. Т. XII. Под ред. Дм. Кобыкова. Тифлис: Тип. Канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1904 [*Acts Collected by the Caucasian Archeographic Commission.* Vol. XII. D. Kobayakov (ed.) Tiflis: Tip. Glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo, 1904 (in Russian)].

Артамонов Л.К. *Северный Азербайджан. Военно-топографический очерк.* Тифлис: Тип. Канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890 [Artamonov L.K. *Northern Azerbaijan. Military Topographical Review.* Tiflis: Tip. Kantselyarii Glavnonachalstvuyushchego grazhdanskoy chastyu na Kavkaze, 1890. (in Russian)].

Всеподданнейшая записка главноначальствующего гражданской частью на Кавказе. 1882–1890 гг. Тифлис, 1890 [*The Most Respectful Note of the Chief of the Civil Unit in the Caucasus. 1882–1890.* Tiflis, 1890 (in Russian)].

Гоков О.А. *Охрана российско-иранской границы со стороны Российской империи в XIX – начале XX вв.* London: LAP Lambert Academic Publishing RU, 2023 [Gokov O.A. *Protection of the Russian-*

Iranian border from the side of the Russian Empire in the 19th – Early 20th Centuries. London: LAP Lambert Academic Publishing RU, 2023 (in Russian)].

Кулагина Л.М., Дунаева Е.В. *Россия и Иран: история формирования границ*. М.: Гуманитарий, 2007 [Kulagina L.M., Dunaeva E.V. *Russia and Iran: the History of the Formation of Borders*. Moscow: Gumanitary, 2007 (in Russian)].

Марков В. *Шахсевены на Мугане. Историко-этнографический очерк*. Тифлис: Тип. Канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890 [Markov V. *The Shakhsevens in Mugan. Historical and Ethnographic Essay*. Tiflis: Tip. Kantselyarii Glavnonachalstvuyushchego grazhdanskoй chastyu na Kavkaze, 1890 (in Russian)].

Масловский Е.В. Вдоль персидской границы. *Военная быль*. 1973. № 121. С. 31–32 [Maslovsky E.V. *Along the Persian Border. Reality of War*. 1973. No. 121. Pp. 31–32 (in Russian)].

Огранович И. Сведения о шахсевенах. *Кавказский календарь на 1871 г.* Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1870. С. 68–84 [Ogranovich I. *Information about the Shahsevens. Caucasian Calendar for 1871*. Tiflis: Tip. Glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo, 1870. Pp. 68–84 (in Russian)].

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (1825–1881). Т. III. СПб.: Тип. II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830 [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The Second Collection (1825–1881). Vol. III. Saint Petersburg: Tip. II Otdeleniya sobstvennoy ego imperatorskogo velichstva kantselyarii, 1830 (in Russian)].

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (1825–1881). Т. XIX. Отделение 1. СПб.: Тип. II Отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1845 [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The Second Collection (1825–1881). Vol. XIX. Part 1. Saint Petersburg: Tip. II Otdeleniya sobstvennoy ego imperatorskogo velichstva kantselyarii, 1845 (in Russian)].

Чернушевич М.П. *Материалы к истории пограничной стражи*. Ч. 1. Вып. 3. СПб.: Тип. Штаба Отдельного корпуса пограничной стражи, 1903. [Chernushevich M. P. *Materials on the History of the Border Guard*. Part 1. Issue 3. Saint Petersburg: Tip. Shtaba Otdelnogo korpusa pogranichnoy strazhi, 1903 (in Russian)].

Шукюров К. Миграция населения между Россией и Ираном в XIX – начале XX веков (политико-правовые вопросы). *Кавказ & глобализация*. 2009. Т. 3. Вып. 2–3. С. 210–219 [Shukyurov K. *Migration of the Population between Russia and Iran in the 19th – early 20th Centuries (Political and Legal Issues)*. *The Caucasus & Globalization*. 2009. Vol. 3. Issue 2–3. Pp. 210–219 (in Russian)].

Degoev V. The Diplomacy of the Caucasus War as a History Lesson. *Russian Politics and Law*. 2004. Vol. 42. No. 2. Pp. 68–76.

Tapper R. *Frontier Nomads of Iran. A Political and Social History of the Shahsevan*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВОЛХОНСКИЙ Михаил Алексеевич –
кандидат исторических наук, доцент
Московского государственного института
международных отношений, МГИМО МИД
России, Москва, Россия.

Michael A. VOLKHONSKIY, PhD (History),
Associate Professor, MGIMO University,
Moscow, Russia.